

²⁴ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 68.

²⁵ *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 107; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. соч. С. 663; *Евреинов Н.* История телесных наказаний в России. Харьков, 1994. С. 26; *Шумаков С.А.* Указ соч. С. 83, 84.

²⁶ *Рогов В.А.* Уголовные наказания... С. 33.

²⁷ *Рогов В.А.* Уголовное право и внутренняя политика русского государства: анализ хроники С. Герберштейна «Записки о Московитских делах» // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики. Сб. науч. тр. М., 1986. С. 10, 11.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ Там же. С. 84.

³² Там же. С. 66.

³³ Там же. С. 20.

³⁴ Там же. С. 19, 84; *Он же.* Уголовные наказания... С. 10–12.

³⁵ *Рогов В.А.* Уголовные наказания... С. 35.

³⁶ *Шумаков С.А.* Указ. соч. С. 39, 40.

³⁷ ПРП. Вып. III. С. 162.

³⁸ ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 157. С. 127.

В.В. ТРЕПАВЛОВ

ВОСТОЧНЫЕ И СЕВЕРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ В XV–XVII вв.

Ногайская Орда – один из «осколков» Золотой Орды. Кочевая держава ногаев окончательно оформилась в конце XV в. на территории современного Западного Казахстана. Центром ее были степи по берегам реки Яик (Урал), где располагался уцелевший с золотоордынских времен город Сарайчук (Сарайчик), резиденция ногайских правителей. Эти правители, в отличие от монархов почти всех прочих послеордынских государств, происходили не из рода Чингисхана, а от Эдиге (Едигея), беклербека (главного военачальника) Золотой Орды конца XIV – начала XV в. Поэтому они не имели формального права царствовать и титуловались не ханами, а биями (беками) – «князьями» в средневековом русском переводе. Ногайские бии и мирзы (аристократы) происходили из тюркского племени мангытов, и Ногайскую Орду, особенно на ранней стадии ее истории, называют также Мангытским юртом.

Территория Ногайской Орды и расселения ногаев определялась скотоводческим характером экономики и, следовательно, возможностям

ми сезонных передвижений народа и стад. А эти передвижения, в свою очередь, ограничивались пределами степной ландшафтной зоны и крупнейшими реками. Степь сменялась лесом в верховьях Дона, выше волжской Самарской Луки, в верховьях Яика и низовьях Тобола. Южнее перечисленных рубежей лежало редконаселенное пространство, на котором кочевали в XVI в. татары, ногаи, башкиры и казахи. Поскольку цикличность ежегодных миграций диктовала летовать на севере, а зимовать на юге, то значительную часть года северная окраина степи оказывалась практически безлюдной.

Некоторыми авторами это обстоятельство используется как довод в пользу незаселенности и «бесхозности» территории – и, стало быть, правомочности российской колонизации, экспансии в степи¹. Русские первопоселенцы в самом деле обнаружили обширные «пустые» земли: «Далеко ты, моя степь, протянулася, Протянулася моя степь до Камышина, Из Камышина вплоть до Саратова, Ничево та во степе не уродилася. Как по етой по степе никто не прохаживал, Ни ясен та сокол не пролетывал. Пролегала здесь дороженька. Никто по ней не прохаживал, Никто следу не прокладывал», – делились они впечатлениями в песнях². Тем не менее чьи-то «дороженьки» там все-таки существовали! Это дожидались прихода с юга стад и чабанов-улусников летние пастбища ногаев (в песне описывается степь под Саратовом).

В условиях чрезвычайной распыленности населения категория его подданства, принадлежности к Орде определялась не столько проживанием в определенной местности, сколько подчиненностью улуса (кочевой общины) какому-нибудь мирзе, то есть выплатой ему податей. В пограничных зонах иногда присутствовало «двоеданство» – например, сбор ясака в пользу казанско-татарских и ногайских властей одновременно³. Как правило, там простиралась уже лесостепь – переходный ландшафт, используемый не только номадами, но и оседлыми местными жителями. Кроме того, для кочевых владений часто бывало характерно «обрамление» из нейтральных территорий, поскольку земледельцы стремились селиться подальше от опасных степных соседей⁴.

Вопрос о границах Ногайской Орды в принципе может быть поставлен, хотя пределы кочевых владений оказывались более условными по сравнению с рубежами оседлых государств. Историки уже давно пытались наметить географические очертания державы ногаев, иногда чрезмерно расширяя их. Так, А.И.-М. Сикалиев убежден, что все степи от Днепра до Иртыша в XIV–XVI вв. были населены ногаями (правда, лишь «восточные ногайцы») оказались объединенными в собственную Орду⁵. А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Кельеже по не названным ими

основаниям определили разделение Ногайской Орды в середине XVI в. на три части – юрт (то есть зона кочевания) бия Шейх-Мамая от Яика до Сырдарьи и до границ Сибирского и Казахского ханств; юрт бия Хасана от нижней Волги до Кумы в Северном Дагестане; собственно Большая Ногайская Орда во главе с бием Юсуфом в четырехугольнике Волга – Кама – Яик – Каспий⁶.

Встречаются авторы-«агностики», считающие в принципе невозможным определить очертания Мангытского юрта XV – начала XVI вв., так как кочевья ногаев располагались вперемешку с узбекскими и большеордынскими⁷. Другие исследователи ограничиваются абрисом крайних, по их мнению, пределов Юрта – то ли между Яиком и Сырдарьей, то ли между Яиком и Волгой⁸. Как бы там ни было, ясно, что распознать деление Дешт-и-Кипчака⁹ в то время весьма затруднительно. Гораздо больше определенности в историографии относительно контуров Ногайской Орды позднейшего периода.

Разброс мнений в литературе о ее северной и восточной границах сводится к следующим позициям. Северная граница: условная линия от Камы или Самары с ее притоком Кинелью до реки Белой¹⁰; абстрактная «граница великого леса»¹¹; кроме того, отмечают, что после начала активной российской экспансии северные рубежи ногайских кочеваний смещались на юг по мере продвижения русских укрепленных линий все дальше в степь¹².

Восточная граница: угловая линия от реки Эмбы до Аральского моря¹³ или просто Арал¹⁴; река Сары-су¹⁵; верховья Иртыша¹⁶ или вообще Иртыш¹⁷; горы Алатау¹⁸; условная линия от Ногайской степи, что к юго-востоку от Тюмени, до нижней Сырдарьи¹⁹.

Учитывая эти наблюдения наших предшественников и коллег, попробуем обратиться к источникам, чтобы выработать более-менее четкое представление о пределах ногайских кочевий на севере и востоке.

Стержневыми координатами собственных владений беклербека Эдиге в конце XIV – начале XV вв. считались реки Эмба, Яик и Волга. О «юрте отца (предка. – *В.Т.*) моего» на этих трех реках упоминали в переписке с Москвой в 1550–1570-х годах бии Исмаил и Урус²⁰, а Исмаил однажды уточнил, что был «отец мой, князь велики (Эдиге. – *В.Т.*) на Яике, а другой отец же мне, Нурадын мирза (Нур ад-Дин, сын Эдиге. – *В.Т.*), – на Волге»²¹. Овладение Волго-Яицким междуречьем заняло у мангытов больше столетия. «Казанский летописец» повествует, что при Иване III (1462–1505) Большая Орда окончательно рухнула, а ее территория «при нем от... мангит до конца запусте... и вселишася в Болшой Орде наг[а]и [и] мангиты, из-за Яика пришедше, иже до ныне в тех улусех качуют»²². Соответствуют этой приблизительной датировке и

сведения одного из вариантов дастана о бие Мусе (конец XV в.): «Мусахан» решил переселить часть «ногайлинцев», недовольных своими кочевьями, в местность Нарын, которую П.И. Небольсин и затем В.М. Жирмунский верно отождествили с пустыней Нарын, или Рын-песками, к северу от каспийского берега²³. Владычество же Мусы целиком совпало по времени с княжением Ивана III в Москве. Таким образом, только в первые годы XVI в. западная граница Мангытского юрта окончательно утвердилась на нижней Волге.

Восточная граница просматривается менее отчетливо. Если в цитированных выше грамотах крайним топонимом на востоке служит Эмба, то фольклорные произведения упоминают и местности за Эмбой. В каракалпакском варианте дастана об Эдиге сын главного героя, «Нурадин», говорит о пропавшем жеребце: «Он из-за Волги и Яика, С черных песков Нура²⁴, Из местности народа ногайского». «Нурадин» в татарской версии дастана передает отцу привет от «нашего дорогого родимого края», включающего «Идиль (Волгу. – В. Т.), Яик, Булгар, Сарай, Черные пески Нуры, Уел, Кыял, Илек, Каргалы»²⁵.

Казахский вариант дастана «Урак и Мамай» гласит, будто во время голода и джута почти все ногаи откочевали в Каракумы²⁶. Полагаю, что речь может идти о тех песках Каракум (букв. «черный песок»), что расположены на северо-восточном побережье Арала и примыкают с севера к низовьям Сырдарьи²⁷. Судя по хроникам Бинаи и Кухистани, после смерти Эдиге ядро Мангытского юрта располагалось в районе Яика, Эмбы, Илека – в общем, в Западном и отчасти Центральном Казахстане (где течет река Нура) до Приаралья. Приблизительно тот же регион от Волги до Сырдарьи обрисован сакральной топографией каракалпаков в исторической песне-толгау «Ормамбет-бий»: после смерти бия Ураз-Мухаммеда («Ормамбета») «десятисанные ногаи» были вынуждены покинуть *Едил үйдин есиги* (Волгу-дверь юрты), *Жайык үйдин жапсары* (Яик-боковую сторону юрты) и *Туркестан үйдин тһри* (Туркестан-переднюю, почетную сторону юрты)²⁸. Именно эта территория являлась доменом ногаев, откуда начался рост их гегемонии во второй половине XV в.

Северная граница раннего Мангытского юрта по источникам не прослеживается абсолютно. Не ясно также, смыкался ли он с Сибирским юртом на северо-востоке.

Иллюстрацией к карте расселения ногаев может служить топонимика Дешт-и-Кипчака, в том числе речных берегов-«сторон». «Ногайские стороны» имелись у реки Белой в районе Уфы и у нижнего Иртыша; другая «сторона» последнего была «Сибирской». К западу от Иртыша простиралась Ногайская степь²⁹.

В.И. Сергеев проанализировал жалованную грамоту Ивана IV купцам Строгановым от 1574 г., где, в частности, упоминаются земли «меж Сибири и Нагаи – Тагчей и Тобол река с реками (притоками. – *Примеч. В.И. Сергеева*) и с озера до вершин». Они отнесены к государственной «вотчине за Югорским камнем, в Сибирской украине». Таким образом, четко разделены «Сибирская украине» – вся территория Сибири и «Сибирь» как юрт хана Кучума³⁰. Между «Сибирью»-ханством и «Нагаями» текут Тобол и неидентифицируемый Тагчей. Следовательно, Ногайская Орда в то время если и примыкала к Тоболу, то во всяком случае не по всему его течению. Очевидно, в царской грамоте 1574 г. речь идет о среднем течении Тобола (на территории современной Курганской области), поскольку низовья (в Тюменской области) находились в Сибирском ханстве, а верховья (Кустанайская область Казахстана) – в кочевой степи. Северная граница этой степи тянулась по землям нынешних Кокшетауской и Астанинской областей Казахстана, подходя к Иртышу в пределах Павлодарской области³¹. Севернее начинался Сибирский юрт.

Ч. Валиханов предполагал очень далекое расселение ногаев к востоку, основываясь на том, что казахи все древние развалины и могильники в его время (середина XIX в.) приписывали ногаям. Восточным пределом кочевания последних Валиханов считал горы Алатау в Юго-Восточном Казахстане³². Как столь же примечательные расценивал казахский ученый киргизские предания о Манасе, в которых ногаи («но-гои») кочевали по рекам Таласу и Чу в Семиречье, во владениях позднейшего Старшего жуза³³. Если эти свидетельства и связаны каким-то образом с жителями Ногайской Орды, то лишь касательно их далеких предков; сказания могут являться отголоском их пребывания там до второй половины XIV в.³⁴

Иртыш, Тобол и тем более далекий Талас не упоминаются в документах, вышедших из среды самих ногаев, а вот Сырдарья фигурирует неоднократно, причем в качестве крайнего юго-восточного пункта кочевания. В недатированной грамоте 1580-х годов мирза Хан б.³⁵ Урус делился с царем информацией: «А наши улусы конец зимует на реке на Куме, а другои на реке на Сыре»³⁶. То же сообщил бий Иштерек воеводам осенью 1614 г.: «А ныне наши улусы по Куме реке и по Сыр реке»³⁷. Выражение «за Сыр», «к Сыру» служило обозначением эмиграции из Ногайской Орды в Среднюю Азию. Полагаю, что имелись в виду низовья реки, где расположены те самые эпические Черные пески – Приаральские Каракумы. Ногайские кочевья располагались, вероятнее всего, лишь на северной стороне реки, от ее устья приблизительно до современного города Кзыл-Орда. Южный берег занимали узбеки, далее на восток жили казахи.

Общепризнанным рубежом территории Орды на западе являлась Волга. В текстах фигурируют разные пункты, обозначающие точку поворота ногайской границы от Волги на восток. Один из них – низовья Самары и образующийся там изгиб Волги (Самарская Лука). В 1570–1580-х годах там летоовали мирзы правого крыла³⁸. «На Самарском устье» мирзы встречали иногда русских послов, въезжающих в ногайские земли; а к западу от Самары, после основания в 1586 г. одноименной крепости, начиналась власть русских воевод³⁹. В качестве границы – правда, не ногайско-русской, а ногайско-башкирской – Самара названа в одном из башкирских преданий: после конфликта хана башкир Кусема б. Туры с ханом из Сарайчика Бураком их владения разделила Самара; северная ее сторона досталась Кусему («его подданные были башкиры»), южная – Бураку («его подданные были ногайцы»)⁴⁰.

В течение же первой половины XVI в. и до конца 1570-х годов крайним северным пределом считалась местность еще выше по Волге, чем Самарская Лука. «Ныне, по лету кочюючи, до Казани докочевали... занеже то известное наше кочевие Казань» (1536 г.); «на Каме за 60 верст от Казани, а Исмаил тут летоовал» (1548 г.); «летом кочюем блиско Казани» (1577 г.)⁴¹ – эти и другие подобные оговорки в грамотах показывают, что ногайские улусы подступали вплотную к Казанскому юрту или даже распространялись на его территорию⁴². Но упоминание Казани служит лишь ближайшим крупным ориентиром, понятным для русских адресатов. Едва ли в Москве могли сразу определить местонахождение улусов, если в грамоте значилось: «А летовище наше, где нам летовати, – близко же Камы, на Еликопсере», или: «блиско Камы под лесом», то есть на ландшафтной границе леса и степи выше Луки⁴³.

При этом Кама также порой изображается в документах как ногайская граница. После разгрома русскими войсками под Казанью хана Сафа-Гирея летом 1529 г. он бежал в Крым, а тридцать тысяч ногаев во главе с мирзой Али б. Мамаем «побежаша за Каму»⁴⁴ – стало быть, из казанских владений в свои. Такой же поворот границы по Волге-Каме отображен у С. Герберштейна. В его «Записках о московитских делах» говорится, что правитель самого западного удела Ногайской Орды Кос-сум (Хаджи-Мухаммед б. Муса) владел «всею, что находится между реками Камой, Яиком и Ра» (то есть Волгой)⁴⁵. Четко это обозначено у Э. Дженкинсона: «Страна по левую сторону Волги от Камы до Астрахани и далее вдоль северного и северо-восточного берега Каспийского моря... носит название Мангат или ногаев»⁴⁶.

Таким образом, улусы мангытских мирз кочевали по «Ногайской стороне» Волги до впадения Камы (с 1580-х годов – Самары) в Волгу.

Далее к востоку начиналась область расселения башкир, подчиненных Ногайской Орде. Первые данные о пребывании в Башкирии мирз относятся к августу 1489 г., когда Ямгурчи б. Ваккас сообщил Ивану III, что его «кочев на Белой Волжке был», то есть на реке Белой (Агидель), левом притоке Камы⁴⁷. Для того, чтобы отправиться в набег на недавно присоединенную к России Вятскую землю (Нукрат), ногаем требовалось пересечь Белую. «Прошлые зимы Белую Волошку, перелезши, сын мой Хан мырза твою землю Нократ воевал», – писал в 1535 г. Ивану IV Шейх-Мамай⁴⁸.

Вместе с тем нельзя считать эту реку пограничной на всем протяжении. Ведь после массового исхода ногаев из Башкирии, как гласит шеджере тамошнего племени карагай-кыпсак, местные аборигены «взяли себе земли бежавших ногайцев с обеих сторон реки Белой»⁴⁹. Значит, Белая лишь в своих низовьях отделяла Ногайскую Башкирию от казанских (затем от российских) владений.

Пространство к югу от Камы от ее впадения в Волгу до устья Белой представлено в «Казанском летописце» как территория Казанского ханства: «То бо бе прежде земля Болгарец малых за Камою промеж великия реки Волги и Белья Воложки, до Великия орды Нагайския»⁵⁰. Надо полагать, что между приказанскими летовьями ногаев и Ногайской Башкирией сохранялся «выступ» с казанским подчинением, населенный башкирами⁵¹. Западной границей Ногайской Башкирии, несомненно, являлась река Ик. По полевым записям Р.Г. Кузеева, она не просто разделяла ногаев и башкир-юрми; те и другие с противоположных берегов обстреливали друг друга из луков⁵² – то есть находились во враждебных отношениях, и юрмийцы не могут считаться ногайскими подданными.

Р.Г. Кузеев определил сферу ногайского господства западнее Уральского хребта до низовьев Белой, а восточнее – до верховьев Яика и Ая⁵³. Данное мнение полностью согласуется с данными источников начала XVII в. В 1601 г. уфимский воевода М.А. Нагой сообщал своему тюменскому коллеге Л.А. Щербатову, что, по донесениям ясачных татар, сорок ногайских сборщиков ясака взимали подати «в Уфинском уезде с ясашных волостей с устья Бельи Воложки до уфинские и до анские вершины и на Китайской волости»⁵⁴. Упоминание последнего топонима позволяет расширить область ногайской гегемонии дальше на восток. Тем более что в 1623 г. калмыцкий тайши заявил жителям именно Китайской волости: «Наперед вы сего давывали ясак нагайцом, а ныне де дадите ясак (мне. – В.Т.), и я... к вам пришлю для ясаку послов своих»⁵⁵.

Таким образом, можно заключить, что северо-восточной границей служил восточный рубеж Китайской волости будущей Сибирской даруги

Башкирии – приблизительная меридиональная линия по южноуральским озерам Иткуль (или, может быть, Щелкун), Синарское, Касли, Кизыл-Таш, Увильды, Аргазы. Далее подобную границу возможно провести по верхнему течению Уя (может быть, до впадения в него Увельки), по обеим сторонам которого некогда также обитали «роды ногаев, господствовавших над башкирами – восточно- и западноуральскими»⁵⁶.

Отдельные указания на появление ногаев далее к северо-западу и к северо-востоку от очерченных пределов оказывались скорее всего следствием их набегов или миграций за пределы своей Орды (см., например, строительство городков Строгановыми на Каме для береженья от ногайских вторжений в 1550-х годах или кочевание мирз в 1601 г. на реке Исети, где они спрятали свои семьи, готовясь к войне с Большой Ногайской Ордой⁵⁷).

Постепенное продвижение из Центральной Азии калмыков и оседание казаков на Яике заставляли ногаев держаться ближе к Волге и постепенно осваивать ее правый берег. К концу 1570-х годов все больше улусов стало периодически переходить туда. Но пока это касалось лишь мирз правого крыла. Большинство же номадов во главе с бием оставалось в Волго-Яицком междуречье; да еще за Яиком автономно существовали потомки бия Шейх-Мамая⁵⁸. В июне 1582 г. бухарский хан Абдулла II послал войско в погоню за своим противником Бабой б. Бараком, бежавшим к мангытам (ногаям). Ханские отряды шли несколько дней, никого не встречая, – ни казахов, ни ногаев. Лишь у озера Ак-Куль в Центральном Казахстане они увидели какую-то группу соратников Бабы. После этого бухарцы повернули назад. Баба же тем временем благополучно добрался до ногайских улусов, которые, следовательно располагались дальше к северо-западу⁵⁹.

В 1591 г. московский посол рассказывал иранскому шаху, что «кочуют... всюю Нагаискою Ордою по реке по Волге меж поволских городов»⁶⁰. В 1595 г. переводчик В. Зернов, проезжая по пути из Казани в Бухару через верховья Яика и реку Иргиз (западнее Эмбы), нигде не повстречал Больших Ногаев или алтыулов⁶¹. Первые к тому времени все чаще покидали яицкое побережье, на котором уже уверенно обосновывались башкиры и казаки; вторые старались не удаляться от низовьев Эмбы и Эмбинско-Яицкого междуречья. Но зимою казахстанские степи пока еще заполнялись ногаями (вспомним информацию биев и мирз о зимовках на Сырдарье).

Огромное пространство расселения ногаев неудержимо начало сжиматься с конца XVI в. Рассеяние народа после смерти бия Ураз-Мухаммеда (1598 г.) фиксируется не только цитируемым выше ска-

занием «Ормамбет-бий», но и татарско-ногайским шеджере, опубликованным М.И. Ахметзяновым. По шеджере, после решающего сражения между мирзами на реке Сакмаре волго-яицкие степи опустели⁶². Конечно, такое утверждение является преувеличением, но исход жителей распадающейся Орды в разные стороны действительно начался, и ногайское население в Дешт-и-Кипчаке существенно поредело.

Тем не менее стойкая традиция продолжала обозначать заволжские степи как принадлежащие ногаям, что отразилось в русских географических сводах второй половины XVII в. «Книга Большому Чертежу» изображает «кочевье все Больших Ногаев» от реки Бузувлук, левого (южного) притока Самары, до «Синего моря», оцениваемое в 1350 верст⁶³. Такое расстояние сопоставимо с протяженностью не до ближайшего моря – Каспийского, а до Арала, хотя на самом деле от верховьев Бузувлук до Аральского моря 800 верст⁶⁴. Анонимная «Козмография» 1670 г. тоже указывает «Нагайскую Орду за Волгою, между Филимским (Хвалынским, то есть Каспийским. – В. Т.) морем да Яик рекою»⁶⁵, тогда как ногаев в то время там практически уже не осталось.

В XVII в. улусы Большой Ногайской Орды уже не заходили восточнее Яика, и это даже оформлялось официально. Бий Иштерек неоднократно обещал в шертях «за Яиком и по реке по Еми, и за Емью, и по Сырту (то есть Сырдарье. – В. Т.) ... не кочевати»⁶⁶. Он мог лишь предполагать свою откочевку туда в качестве «казака» (то есть человека, порвавшего с собственным юртом), если «которой грех станетца над Московским государством», и некоторые мирзы действительно уходили на восток, подвергшись нападению астраханских ратников, но потом вновь возвращались на Волгу⁶⁷.

В степи Центрального Казахстана иногда прикочевывали немногочисленные алтыулы. В 1628 г. астраханский отряд разгромил их главных мирз в урочище Караузек «от Енбы днищ с пять» и затем преследовал «до Наимансково озера день да ночь» – видимо, еще дальше к востоку⁶⁸. Но в целом регион оставался пока безлюдным, необитаемым. Персидские и хивинские купцы зимой 1613/1614 г. провели караваны от Хорезма до Самары, не увидев чьих-либо улусов – ни ногайских, ни калмыцких, ни казахских⁶⁹. А когда в 1620-х годах на Эмбе поселились калмыки, Большая Ногайская Орда и подавно отодвинулась к западу. В 1628 г. из калмыцкого плена бежал арзамасский крестьянин, который рассказал, что он вместе со своими хозяевами переместился с Иртыша на Эмбу для зимовья, «и сь Ембы... от калмыков он... ушол в Ногаи, а из Ногаи пришол в Астарахань»⁷⁰, то есть «Ногаи» и эмбинские степи уже географически не совпадали.

Восточный рубеж расселения большеногайских улусов в начале XVII в. постепенно установился на Яике. В документах 1607–1614 гг. то и дело фигурирует «Юрт меж Волги и Яика», подчиненный бию Иштереку⁷¹. Даже при окончательном распаде ногайской державы, в обстановке калмыцкого нашествия, в начале 1630-х годов еще оставались «крайние улусы, которые сидят в степи к Яику в дальних местех»⁷². В целом можно, вероятно, согласиться с утверждением Р.Г. Букановой, что государственная граница России в начале XVII в. в тех местах шла от Каспия на северо-восток к низовьям рек Большой и Малой Узеней и далее по среднему течению Яика, его притоку Илеку и верховьям реки Ори к верховьям Тобола⁷³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹² См., напр.: *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 81; *Осипов В.А.* Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 14, 59, 60.

² Волга в песнях и сказаниях. Саратов, 1937. С. 128.

³ *Исхаков Д.М.* Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XIX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 45, 46; *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. С. 14, 15.

⁴ *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 31.

⁵ *Сикалиев А.И.-М.* Общество и герой в ногайском героическом эпосе // Традиции и современность (фольклор и литература народов Карачаево-Черкесии). Черкесск, 1980. С. 3, 4; *Он же.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 78.

⁶ *Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay Ch.* La Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // *Turcica. Revue d'études turques.* 1976. Т. 8. № 2. Р. 209. Большая Ногайская Орда (Большие Ногаи) – наименование основной (заволжской) территории ногаев во второй половине XVI в.

⁷ См., напр.: *Иванов П.П.* Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков. М.; Л., 1935. С. 25; *Сыроечковский В.Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. обществ. наук. 1932. № 3. С. 203.

⁸ *Егоров В.Л.* Начальный период истории Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. С. 30; История Казахстана. Очерк. Алматы, 1993. С. 113; *Устюгов Н.В.* Научное наследие. М., 1974. С. 224.

⁹ Дешт-и-Кипчак (перс. Кипчакская степь) – средневековое обозначение степного пояса Евразии от Дуная до Оби.

¹⁰ Кочкаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 28; Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Кн. 1. Самара, 1993. С. 40; Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сб. науч. работ Мордовского гос. пед. института. Саранск, 1949. С. 34; Он же. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 224, 230; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, испр. и доп. 1991. С. 19.

¹¹ Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Op. cit. P. 204; Bennigsen A., Veinstein G. La Grande Horde Nogay et le commerce des steppes pontiques (fin XVe siècle – 1560) // Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi, 1071 – 1920. Ankara, 1980. P. 49.

¹² Белокурова С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива МИД. Вып. 1 (1578–1613 гг.) // ЧОИДР. М., 1888. Кн. 3. С. XXX–XXXI; Устюгов Н.В. Творческий путь А.А. Новосельского // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 6.

¹³ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы: историко-этнографический очерк. Черкесск, 1983. С. 23.

¹⁴ Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Op. cit. P. 204; Bennigsen A., Veinstein G. Op. cit. P. 49.

¹⁵ Howorth H.H. History of the Mongols. From the 9th to the 19th century. Pt. 1. N.Y., 1965. P. 18.

¹⁶ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос // Жирмунский В.М. Избр. соч. Л., 1974. С. 416; Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века. С. 34.

¹⁷ Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н. Об этнических связях тюркских народов севера евразийских степей в эпоху средневековья и в новое время по данным родоплеменной этнонимии // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 101.

¹⁸ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. соч. С. 28.

¹⁹ История Казахстана. С. 113.

²⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 167, 167 об.; Д. 9. Л. 25.

²¹ Там же. Д. 5. Л. 129.

²² История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. С. 14.

²³ Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 398; Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852. С. 46.

²⁴ Вероятно, следует читать «Нуры» (ср. следующую цитату). Нура – река в Центральном Казахстане.

²⁵ Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 121. Присутствие в данном перечне Сарая и Булгара объясняется, во-первых, поволжско-татарской модификацией этого основного дастана ногайского эпического цикла; во-вторых, тем, что эпос «Эдиге» описывает события, происходившие еще в Золотой Орде, в которую входило все население Среднего и Нижнего Поволжья. Уел – несомненно Уил, река в Западном Казахстане. Кыял – это, возможно, левый приток Яика Кыялы-Буртя, или же приток Уила Киил. Карагал Илек – может быть, правый приток Илека (впадающего в Урал), река Кыргала. «Карагал Илик» (в прочтении А.Н.Кононова) упоминается Абу-л-Гази в «Шаджара-йи таракима» как

северный предел расселения туркмен при золотоордынском хане Джанибеке, то есть в середине XIV в. (*Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 77).

²⁶ *Беляев И.А.* Сказание об Едигее и Тохтамыше. Каракалпакская народная поэма // Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. 3. Асхабад, 1917. С. 28; *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 201; Идегей. С. 14.

²⁷ Впрочем, возможно, что имелись в виду и «Черные пески», которые находятся на северо-восточном побережье Каспия между устьем Эмбы и сором Мертвый Култук. Вообще изначально *каракум* являлось не собственным названием, а ландшафтным термином для любой песчаной пустыни с разнообразной растительностью, служащей кормом для верблюдов и мелкого рогатого скота (*Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996. С. 147, 148). Но во всяком случае не вижу оснований относить данный топоним к степи севернее Терека (см.: *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 501).

²⁸ *Толстова Л.С.* Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 161; *Толстова Л.С., Утемисов А.* Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. Нукус. 1963. Вып. 4 (14). С. 43. Ногайский бий Ураз-Мухаммед умер около 1598 г.

²⁹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Л., 1932. С. 297; *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала ... по сии времена. СПб., 1787. С. 33, 34; *Он же.* История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 191; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 22; *Филоненко В.И.* Башкиры. Уфа, 1915. С. 29; *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263–1881 г. Первый период: 1263–1613. Пермь, 1881. С. 97.

³⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 389; *Сергеев В.И.* Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» (по восточным и европейским источникам) // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 14.

³¹ Помимо названия иртышского берега «Ногайская сторона», есть и другие данные о проживании ногаев на Иртыше. В хронике «Хасса айн» они, наряду с народами хотан и кара-кипчак, названы «имеющими кочевье» вдоль этой реки (*Катанов Н.Ф.* О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири // Уч. зап. Казанского университета. Вып. 12. 1903. С. 136, 143, 150). Однако Иртыш находился так далеко от изначального Мангытского юрта, что под «ногаями» здесь, кажется, скрываются не подданные мангытских биев, а будущие сибирские татары.

³² *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения. М., 1986. С. 256.

³³ *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 1. Алмата, 1961. С. 358, 369.

³⁴ См.: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 53–58, 70.

³⁵ Б. – принятое в русскоязычной литературе обозначение элемента мусульманского имени «ибн» (сын); Хан б. Урус – Хан сын Уруса.

³⁶РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 4. Л. 1.

³⁷Там же. 1614 г. Д. 3. Л. 56.

³⁸Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 377; 1587 г. Д. 1. Л. 14. Подобно многим политическим образованиям кочевников, население и территория Ногайской Орды делились на правое и левое крылья – у ногаев соответственно западную (поволжскую) и восточную (казахстанскую) провинции.

³⁹Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 157; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 102.

⁴⁰Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 80.

⁴²³Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 186, 238; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 47 об.

⁴²О четкой границе между областями расселения казанских татар и ногаев говорится у П. Петрея де Ерлезунды (1620-е гг.). Шведский автор сообщает, будто Волга впадает в реку Rescinda и при этом отделяет «казанских татар от ногайских, астраханских от крымских», а вскоре после этого течет мимо Астрахани (*Петрей де Ерлезунда П. История о Великом княжестве Московском*. М., 1867. С. 78). Очевидно, здесь какое-то недоразумение. Географически невозможно представить рубеж, разграничивавший одновременно крымцев, астраханцев, казанцев и ногаев. Возможно, в основе информации Петрея лежали искаженные сведения о Каме.

⁴³РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 47 об., 135.

⁴⁴*Татищев В.Н.* История Российская. Т. 6. М.; Л., 1966. С. 128.

⁴⁵*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 179.

⁴⁶Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 169.

⁴⁷Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М., 1984. С. 19; СГГД. Ч. 5. М., 1894. С. 7.

⁴⁸Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. С. 166. Вятская земля до конца XV в. выплачивала дань в Казань (см., напр.: Послание царя Казанского // Гасырлар авызы = Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 32). За ней казанские владения заканчивались и начинались ногайские (см.: Итальянец о России XVI века. Франческо да Колло. «Доношение о Московии». М., 1996. С. 62).

⁴⁹Башкирские шежере. С. 117.

⁵⁰История о Казанском царстве. С. 12.

⁵¹Вместе с тем в 1552 г. Исмаил летовал «на Ике реке от Камы днищ с пять» (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 137 об.), т.е. шел он на Ик все-таки от Камы. Кроме того, есть данные фольклора башкир-юрматы о прежнем проживании ногаев на реках Зай и Шешма – в междуречье Волги и Белой (*Исхаков Д.М.* Указ. соч. С. 45). Представляется, что предположение Д.М. Исхакова о двойной, ногайско-казанской подчиненности этого края (Там же. С. 45) полностью объясняет противоречия в источниках.

⁵²*Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 318.

⁵³Там же. С. 484.

⁵⁴ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 165.

⁵⁵ Там же. С. 292.

⁵⁶ *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. СПб., 1886. С. 12. При таком определении северной границы рек а Самара оказывается в глубине ногайских владений. Э. Дженкинсон тоже отметил, что она вытекает из Пермской страны, «течет через ногайскую землю и впадает в Волгу» (Английские путешественники в Московском государстве. С. 170). Следовательно, мы возвращаемся к выводу о том, что до 1580-х годов северные рубежи Ногайской Орды прмыкали к Каме.

⁵⁷ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 169; *Соловьев С.М.* Соч.: в 9 кн. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 5–6. М., 1989. С. 666.

⁵⁸ См., напр.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 243; Д. 10. Л. 265 об., 266.

⁵⁹ Материалы по истории казахских ханств XV–XVII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 299–308. Убедительный историко-географический комментарий к данному конфликту предложен М.Х. Абусеитовой. Она доказывает незаселенность степей Центрального Казахстана того времени в летнюю пору, отмечая при этом, что пространство вплоть до Иртыша все же считалось принадлежащим ногаям (*Абусеитова М.Х.* Некоторые вопросы политической истории казахских ханств во второй половине XVI в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 14-я годовичная научная сессия. М., 1979. С. 73; *Она же.* Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 170, 171; *Она же.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 59, 60, 73). Любопытен тезис Г.Е. Катанаева (тоже на основе изучения «улутауского похода» бухарцев 1582 г.) о том, что «страна мангытов» располагалась в верховьях Ишима и Тобола (*Катанаев Г.Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // Зап. Западно-Сибирского отдела РГО. 1893. Кн. XIV. Вып. 1. С. 47). Действительно, именно в этом регионе находился «Тайбугин юрт» – улусы эмигрантов из Сибирского ханства, над которыми ногаи учредили наместническую должность тайбуги (см.: *Тренавлов В.В.* Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь» // *Tatarica*. 1997/1998. № 1. С. 96–107.). Но Баба б. Барак добрался до верховных правителей мангытов, то есть все же до западных областей Орды.

⁶⁰ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890. С. 267.

⁶¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 13. Алтыулы («Шесть Сыновей») – потомки ногайского бия Шейх-Мамая и их подданные, кочевавшие в степях Казахстана; с конца XVI в. вели фактически самостоятельное существование.

⁶² *Ахметзянов М.И.* Между Волгой и Уралом // Идел. 1991. № 10?II. С. 84.

⁶³ Книга, глаголемая Большой Чертеж. М., 1846. С. 151; Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 140.

⁶⁴ *Макшеев А.И.* Географические сведения Книги Большого Чертежа о кир-

гизских степях и Туркестанском крае // Зап. РГО по отделению этнографии. 1880. Т. 6. СПб. С. 33.

⁶⁵ Книга, глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1881. С. 345.

⁶⁶ Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918. С. 107; РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 25. Л. 8.

⁶⁷ Акты времени междуцарствия (1610 г., 17 июля – 1613 г.). М., 1915. С. 20; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 3. Л. 3.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 127. 1628 г. Д. 1. Л. 104, 107.

⁶⁹ *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983. С. 82, 83; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. СПб., 1892. С. 169.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 29–30.

⁷¹ См., напр.: Там же. 1614 г. Д. 3. Л. 56; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. – 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 178; Акты времени междуцарствия. С. 33.

⁷² Дополнения к Дворцовым разрядам // ЧОИДР. М., 1883. Кн. 4. С. 815.

⁷³ *Буканова Р.Г.* Закамская черта XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1981. С. 10.

О.И. ХОРУЖЕНКО

ИМЕННЫЕ ТАМГИ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА

У В.Н. Татищева имеется известие, представляющее значительный интерес для изучения истории дворянского сословия и русской геральдики. К сожалению оно очень кратко, подано в широком контексте и трудно интерпретируется.

Вначале историк говорит о тамговых знаках татар: «В татарской истории о роде Чингиз хана написано, что он всем знатным родом раздавал тройкие знаки: 1) птица, 2) дерево, 3) ясак. Ханская птица – кречет». «И оные, – продолжает Татищев, – они доднесь хранят и называют тамга. Но приняв закон магометанской, который животных изображать запрещает, изображают свои тамги нимало подобным тому знаку». Далее автор обещает: «А о ясаках, у нас бывших, ниже упомяну».

Действительно, ниже Татищев говорит уже о русских дворянах и о неких наследственных знаках, которые автор также называет «ясаками»¹. Приводим этот отрывок полностью: «А фамильных («ясаков». – О.Х.) несколько сот имею, яко: Авросимовых – Кадуй, Аладинины – Базулук, Бахметев – Порывай, Бутурлины – Соловей, Воейков – Рычан, Вель-